

Н. А. КАЗАКОВА

ИЗВЕСТИЯ ЛЕТОПИСЕЙ И ХРОНОГРАФОВ О НАЧАЛЕ АВТОКЕФАЛИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Русская православная церковь с момента своего возникновения находилась в зависимости от византийской церкви. Эта зависимость выражалась прежде всего в том, что кандидат в русские митрополиты — будь то греческое духовное лицо, посылаемое на Русь, или русское, по выбору великого князя и духовенства, — поставлялся в Константинополе «вселенским» (константинопольским) патриархом. С развитием русской государственности и укреплением русской церкви в политических и церковных кругах Руси неизбежно должна была возникнуть тенденция к установлению церковной независимости. Толчком, способствовавшим проявлению этой тенденции, послужила уния православной и католической церквей, заключенная на соборе во Флоренции в 1439 г.

Заключение унии произошло в обстановке турецкого наступления на Византию. Византийский император Иоанн VIII Палеолог и константинопольский патриарх Иосиф II рассчитывали ценою унии получить помощь Запада против турок. Папский престол в унии усматривал средство подчинения своему влиянию православной церкви и стран православного Востока. С русской стороны акт об унии подписал митрополит Исидор, грек по национальности, возглавлявший русскую церковную делегацию на Флорентийском соборе. Но великий московский князь Василий II Васильевич и руководящие круги русской церкви отказались признать унию, расценив ее как измену православию (объективно решение русских властей было обусловлено несоответствием унии национальным интересам Руси). Исидор по возвращении из Флоренции в Москву был низложен и заключен в монастырь, откуда бежал в Литву, а затем в Рим. В декабре 1448 г. в Москве собором русских епископов был поставлен в митрополиты рязанский архиепископ Иона. Этот акт означал начало автокефалии русской церкви — независимости ее от константинопольского патриархата.

Однако, вступая на путь утверждения независимости русской церкви, великокняжеское правительство стремилось избежать разрыва с византийской церковью. Еще до поставления Ионы в 1448 г. оно пыталось получить согласие Константинополя на новый порядок поставления русских митрополитов: не в Константинополе патриархом, а в Москве собором русских епископов. Просьба об этом содержится в написанном в 1441 г. Послании великого московского князя Василия II Васильевича константинопольскому патриарху Митрофану. Она мотивируется чрезвычайными обстоятельствами, в которых оказалась русская церковь: после смерти митрополита Фотия в 1431 г. в Константинополь был послан для поставления в митрополиты рязанский епископ Иона, но он

не был там поставлен, присланный же из Константинополя митрополит Исидор изменил православие и был сведен с митрополичьей кафедры, а теперь в связи с нашествием «безбожных агарян» (турок) путь в Константинополь стал «непроходным». В силу всех этих обстоятельств великий князь просит патриарха разрешить собору русских епископов поставить в митрополиты кандидата, который будет ими избран.¹

В послании Василия II императору Константину Палеологу, написанном в начале 50-х гг., уже после поставления Ионы в митрополиты в Москве, этот шаг великий князь объясняет «великой нуждой», а «не кичением, ни дерзостью», просит императора отнестись к нему благосклонно и выражает намерение написать о случившемся вселенскому патриарху, «требующие о всем благословения и молитвы». Примечательно, что правомерность поставления Ионы в митрополиты в Москве в 1448 г. подкрепляется ссылкой на данное Ионе во время его поездки в Константинополь (в 30-е гг.) благословение патриарха на занятие митрополичьей кафедры после Исидора: когда Иона по выбору великого князя и других князей, бояр и духовенства прибыл в Константинополь для поставления и застал там уже поставленного Исидора, то император и патриарх, сказав, что они не могут изменить случившегося, закончили свое обращение к Ионе следующими словами — «а ты, Иона, паки пойдя на свой стол, на Резанскую епископию; а что божия воля о Сидоре произмыслит, или смертью скончается, или иначе о нем что ся състанет, и ты, Иона, епископ Рязанский, готов благословен на той великий престол Киевский и всея Руси».² Отметим, что в написанном в 1441 г. Послании Василия II патриарху Митрофану ни о каком благословении Ионы патриархом во время пребывания его в Константинополе на занятие митрополичьей кафедры после Исидора речи нет. Это вызывает естественный скепсис в достоверности рассматриваемого известия Послания Василия II императору Константину Палеологу. Не исключено, что высказанное Ионе, когда он был в Константинополе в 30-е гг., императором Иоанном VIII и патриархом Иосифом II сожаление о происшедшем (невозможности поставить Иону в связи с совершившимся постановлением Исидора) теперь, после смерти обоих, русское правительство решило толковать как благословение Ионы на занятие митрополичьей кафедры после Исидора, чтобы придать поставлению Ионы в митрополиты в Москве в 1448 г. видимость законности с точки зрения взаимоотношений с византийской церковью. Думается, что стремление русского правительства смягчить значение случившегося обусловлено влиянием многовековых связей с Византией и византийской церковью.

Е. Голубинский, анализируя оба Послания Василия II, приходит к выводу, что первое Послание либо не было отправлено, либо на него в Константинополе последовал отказ, так как в противном случае незачем было писать второе Послание. Что касается второго Послания, то, как следует из пометы на одном из его списков,

оно не было отправлено в Константинополь.³ Следовательно, в момент становления автокефалии русской церкви согласие Константинополя на поставление митрополитов в Москве отсутствовало. В последующее же время, после завоевания Константинополя турками и падения его значения как центра православия, с одной стороны, и усиления международных позиций русской церкви в связи с созданием Русского централизованного государства — с другой, практика поставления русских митрополитов в Москве стала обычным явлением и не сопровождалась попытками русских властей получить на нее формальное согласие патриарха. Однако, несмотря на укрепление русской церкви, она продолжала оставаться в неравноправном положении по сравнению с другими центрами православия: возглавлялась митрополитом, а не патриархом. Это неравенство было ликвидировано в 1589 г., когда русская митрополия была преобразована в патриархат.

Известие о начале фактической автокефалии русской церкви читается во всех общерусских летописях и хронографах.

В великокняжеском Своде 1479 г. текст названного известия гласит: «В лето 57. Месяца декабря 15 поставлен бысть на митрополию всеи Руси епископы русскими Ефремом Ростовским, Варлаамом Коломенским, Питиримом Пермским, а новгородской архиепископ Ефимей и епископ Тферьски грамоты свои прислаша, что с ними единомыслени на поставление на митрополию Ионы владыкы Рязаньского. А преже того, коли в Цареграде был о исправлении митрополии, и он и от святейшего патриарха и от всего еже о нем священнаго собора благословен последи Сидора на митрополию».⁴ В приведенном тексте подчеркивается, что Иона в бытность свою в Константинополе еще при жизни Исидора получил благословение константинопольского патриарха и освященного собора на занятие митрополичьей кафедры после Исидора. Несомненно, что источником рассматриваемых сведений послужило Послание Василия II императору Константину Палеологу. В более раннем великокняжеском Своде 1471 г., отраженном в Никаноровской и Вологодско-Пермской летописях, читается тот же текст, что и в Своде 1479 г., но с одним отклонением: вместо «благословен» написано «благодарный»,⁵ что является ошибкой; очевидно, составитель Свода 1479 г. исправил ошибку, обратившись к Посланию Василия II Константину Палеологу. Составители великокняжеских сводов пользовались архивом великих московских князей и, описывая поставление Ионы в митрополиты в 1448 г., проводили точку зрения великокняжеского правительства на это событие.

В приведенной редакции известие о начале автокефалии русской церкви содержится во всех летописях XV—XVI вв., в которых корпус известий за XV в. связан с великокняжеским летописанием: Симеоновской летописи, Прилуцкой (Свод 1497 г.), Уваровской (Свод 1518 г.), Воскресенской.⁶

Традицию великокняжеских сводов продолжила в 60-х гг. XVI в. Степенная книга. В ней сообщается, что через шесть лет после смерти митрополита Фотия (т. е. в 1437 г.) великий князь Василий II созвал освященный собор, избравший кандидатом в митрополиты рязанского епископа Иону, который был направлен в Константинополь для поставления. Там Иона застал уже поставленного Исидора, и император Иоанн, и патриарх Иосиф, выразив свое сожаление о случившемся, благословили Иону «восприяти богоспасаемый... престол Российския митрополия» после Исидора. Далее в Степенной книге следует повествование о Флорентийском соборе, измене Исидора православию, сведении его с митрополичьей кафедры, бегстве за рубеж, о поставлении Ионы в митрополиты собором русских епископов через восемь лет после бегства Исидора; при этом составитель Степенной книги отмечает, что Иону «при Сидоре нарекоша митрополитом быти цареградьский царь и патриарх, яко же выше явлено».⁷ Нетрудно заметить, что Степенная книга продолжает традицию великокняжеских сводов как в идеологическом плане, подчеркивая, что Иона в 1448 г. был поставлен в Москве в соответствии с заранее данным благословением императора и патриарха, так и в источниковом — используя Послание Василия II Константину Палеологу. Но рассказ Степенной книги подробнее: составитель ее произвел хронологические расчеты, привел имена византийских исторических деятелей и полнее использовал Послание Константину Палеологу.

В других редакциях интересующее нас известие читается в летописях, возникших в церковных кругах.

В Независимом своде 1472 г. (этот свод А. А. Шахматов определяет как Ростовский владычный свод, Я. С. Лурье — как Свод, составленный в Кирилло-Белозерском монастыре⁸), отраженном в Ермолинской летописи и Сокращенных летописных сводах 1493 и 1495 гг., наличествует следующий текст: «В лето 957. Поставлен бысть на митрополью на Русь Иона, владыка Рязаньский, на Москве, первый митрополит своими епископы».⁹ Здесь нет упоминания о поездке Ионы в Константинополь и получении им там благословения на занятие митрополичьей кафедры после Исидора; поставление Ионы в митрополиты представлено целиком как дело русской церкви. В Своде 1508 г. (Софийская I летопись по списку Царского), корпус известий которого за XV в. почти сплошь совпадает с Сокращенным летописным Сводом 1493 г.¹⁰ и, следовательно, через посредство этого свода или его источника восходит к Независимому своду 1472 г., читается несколько иная редакция: «В лето 6957. Князь великий Василей Васильевич постави себе митрополита на Москве Иону владыку Рязаньского, собрав владыки».¹¹ В отличие от Ермолинской летописи и Сокращенных сводов 1493 и 1495 гг., в Своде 1508 г. отмечается роль великого князя в поставлении Ионы в 1448 г., но, как и в названных сводах, этот акт рассматривается как результат действий только русской стороны.

В Своде 1489 г. митрополита Геронтия, входящем в состав Софийской II и Львовской летописей, известие о поставлении Ионы в Москве собором русских епископов включено в обширный рассказ о Флорентийской унии, помещенный под 1438 г. В этом рассказе занимающему нас известию предшествует текст Послания Василия II неназванному византийскому императору.¹² Текст совпадает (за исключением имени адресата) с уже рассмотренным нами Посланием Василия II константинопольскому патриарху Митрофану и представляет собой другую редакцию этого Послания. Выше, при его анализе, мы отметили, что в нем о поездке Ионы в Константинополь (в 30-е гг.) сообщается лишь, что он там не был поставлен в митрополиты, упоминание же о благословении Ионы патриархом на занятие митрополичьей кафедры после Исидора отсутствует. Включение рассматриваемого Послания в текст митрополичьего Свода 1489 г. подчеркивало негативное отношение константинопольского патриархата к пожеланиям русской стороны и тем самым как бы подготавливало читателя к положительному восприятию известия о новом порядке поставления русских митрополитов. К этому подготавливало и дальнейшее изложение событий в Своде 1489 г.: когда великий князь отправил послов со своим Посланием в Константинополь, то он получил весть о том, что византийский император перешел в «латыньскую веру», поэтому великий князь воротил послов и обратился к русским епископам с вопросом: «... достоин ли митрополита поставить в своей земле»; получив положительный ответ, великий князь велел вскоре епископам и «всесвященному собору» поставить Иону на митрополию.¹³ Итак, согласно концепции составителя Свода 1489 г., великого князя к решению о поставлении Ионы в митрополиты в Москве собором русских епископов побудило не только негативное отношение византийской церкви к пожеланиям русской стороны в вопросе о главе русской церкви, но и — это главное — измена византийского императора православию.

Мы полагаем, что идейное обоснование своей концепции составитель митрополичьего Свода 1489 г. подчеркнул в распространенной в русских церковных кругах во второй половине XV в. теории «изрушения» греческого православия — потери греческой церковью своей чистоты после заключения унии и особенно после подчинения ее неверным (туркам). Эта теория выражена, в частности, в формуле, которая в 1475 г. в связи с поставлением в Константинополе для Литвы митрополита Спиридона Сатаны была внесена в обещательные грамоты вновь поставляемых русских архиереев: «... а к митрополиту Спиридону, нарицаемому Сатане, взыскавшему поставления в области безбожных турок от поганого царя, или кто будет иной митрополит, поставлен от латыни или от турскаго области, не приступати мне к нему».¹⁴ Здесь поставление от патриарха, находящегося под властью «безбожных» турок, приравнивается к поставлению от «латинян» и тем самым объявляется недопустимым. В действительности за отрица-

нием права константинопольского патриарха на поставление русских митрополитов скрывалось стремление русской церкви к автокефалии. Составитель Свода 1489 г., подчеркивавший в своем труде отсутствие какой бы то ни было связи между поставлением Ионы и действиями константинопольского патриарха (в великокняжеских сводах в какой-то мере такая связь признавалась), руководствовался, очевидно, как мы уже сказали, теорией «изрушения» греческого православия. Правда, когда Иона ставился в митрополиты, Константинополь еще не был завоеван турками, но, с точки зрения чистоты православия, греческая церковь и в то время находилась не на высоте: она состояла в унии с католической церковью. Мы думаем, что и составитель Независимого свода 1472 г., изображавший поставление Ионы в митрополиты как акт, к которому византийская сторона не имела никакого отношения, также исходил в какой-то мере из представления о потере греческой церковью своей чистоты.

Иное обоснование начала фактической автокефалии русской церкви имеет место в Ростовском владычном своде 80-х гг.,¹⁵ представленном Типографской летописью. В ней известие о поставлении Ионы соединено с сообщением о его смерти: «В лето 6969 преставися Иоанн, митрополит Киевский и всея Руси, марта 31 день, и положен бысть в церкви святыя Богородица во граде Москве. Сего же Иону митрополита поставиша на Москве архиепископы по благословию патриарха Цареградского, ходил бо сей Иона в Царьград и взя благословение оу патриарха; и от сех мест начаша ставити митрополитов на Москве и к Царюграду не ходя, изобладал бо бяше Царемъградом турский царь и царя (императора. — Н. К.) оубий и пути не даст и поча царствовать в нем».¹⁶ Средняя часть приведенного отрывка, в которой речь идет о поставлении Ионы русскими епископами в Москве по благословию константинопольского патриарха, в известной мере близка к соответствующему известию великокняжеских сводов. Но есть и различия: в великокняжеских сводах говорится, что Иона ездил в Константинополь еще при жизни Исидора, в Типографской летописи время поездки Ионы и получения им патриаршего благословения не называется, что дает возможность отнести это событие к годам, непосредственно предшествовавшим поставлению Ионы; это усиливало видимость законности поставления Ионы с точки зрения взаимоотношений русской церкви с византийской. Составитель Типографской летописи счел нужным объяснить также, почему после поставления Ионы русские митрополиты стали ставиться в Москве без путешествия в Константинополь за патриаршим благословением: причиной этому было завоевание Константинополя турецким султаном, который не давал туда пути. Содержание рассматриваемого известия Типографской летописи показывает, что в русской церкви наряду с течением, оправдывавшим установление ее автокефалии теорией «изрушения» греческого православия, существовало и другое — не подвергавшее сомнению чистоту

греческой церкви и искавшее объяснение практике поставления митрополитов в Москве в обстоятельствах международного характера.

Вопрос о законности поставления митрополитов в Москве собором русских епископов приобрел особую остроту в 20-е гг. XVI в. в связи с деятельностью Максима Грека. Максим Грек, в 1518 г. приехавший с Афона в Москву, занял видное место в религиозной и культурной жизни русского общества как в силу данного ему поручения — новый перевод богослужебных книг, так и благодаря своей широкой эрудиции и выдающимся литературным дарованиям. Будучи греком, патриотом своей родины и приверженцем греческой церкви, он выступил с резким осуждением практики поставления митрополитов на Москве без благословения константинопольского патриарха. По убедительному предположению В. Ф. Ржиги, в связи с занятием митрополичьей кафедры Даниилом в 1522 г. Максим Грек написал «Сказание ко отрицающимся на поставлении и кленущимся своим рукописанием русскому митрополиту и всему священному собору, еже не примати поставления на митрополию и на владычество от римского папы латынския веры и от царградскаго патриарха аки во области безбожных турок поганого царя, и поставленного от них не примати».¹⁷ В «Сказании» Максим Грек полемизировал с теорией «изрушения» греческого православия и доказывал, что утверждение в Константинополе «поганных» царей не повлекло за собой потери греческой церковью ее чистоты, а константинопольскими патриархами — права на поставление митрополитов.

Обвинение в отрицательном отношении к независимости русской церкви наряду с обвинением в осуждении вотчинных прав монастырей были главными, предъявленными Максиму Греку на обоих судивших его соборах — 1525 и 1531 гг.¹⁸ На критику Максима Грека надо было ответить. Таким ответом по вопросу о порядке поставления русских митрополитов явились, в частности, известия о начале автокефалии русской церкви, внесенные в летописи, составленные в 20-е гг. в митрополичьей канцелярии, — Иоасафовскую и первоначальную редакцию Никоновской.¹⁹

На соборе 1531 г., объясняя свои сомнения в законности поставления русских митрополитов на Москве, Максим Грек говорил: «Пытал есми, господине, здесь о чем не ставятся митрополиты русские по прежнему и по старому обычаю у патриарха царегородского, и сказали мне, что патриарх царегородцкой дал благословенную грамоту русским митрополитом, поставитися им волно своими епископы на Руси, и яз много тоя грамоты пытал, и до сех мест не видал есми ее. И яз молвил: коли здесе у них грамоты нет патриарха царградскаго, и они о гордости не ставятся по прежнему и по старому уставу и обычаю от патриарха царградскаго».²⁰ Итак, Максим Грек показал на суде, что защитники автокефалии русской церкви право на поставление русских митрополитов на Москве собором епископов обосновывали указанием на «благо-

словенную грамоту» константинопольского патриарха, содержащую соответствующее разрешение.

В Иоасафовской летописи о поставлении Ионы в 1448 г. сообщается: «В лето 6957. Декабря 15 поставлен бысть на митрополию всеа Руси Иона владыка Рязанский на Москве архиепископы и епископы руския митрополиа по благословению святейшаго вселенского патриарха, как был Иона в Цариграде после Исидора, и патриарх его благословил и грамоту ему дал». ²¹ Приведенный текст в какой-то мере примыкает к традиции великокняжеских сводов и Типографской летописи. Но если в первых говорится о поездке Ионы еще при жизни Исидора в Константинополь и получении им тогда патриаршего благословения на занятие митрополичьей кафедры после Исидора, во второй — время поездки Ионы и получения им благословения не уточняется, то в Иоасафовской летописи посещение Ионой Константинополя и получение им там благословения отнесены прямо ко времени после Исидора, что придает поставлению Ионы видимость большей законности. И самое главное — в Иоасафовскую летопись внесено указание на получение Ионой в Константинополе не только благословения патриарха, но и его грамоты. Несомненно, что последнее являлось прямым ответом на рассуждения Максима Грека, отразившиеся в его Судном списке.²²

Иоасафовская летопись была непосредственным источником первоначальной редакции Никоновской летописи (первая часть списка Оболенского, в которой изложение доводится до 1520 г.),²³ поэтому известие последней об установлении автокефалии русской церкви повторяет приведенное нами известие Иоасафовской летописи. В этой редакции оно читается во всех списках Никоновской летописи, привлеченных к ее изданию, за исключением Толстовского VII (Голицынского) списка, где интересующий нас текст восходит к соответствующему известию великокняжеских сводов.²⁴

В Хронографе 1521 г., первом русском Хронографе, занимающее нас известие чрезвычайно лаконично: «В лето 975 декабря в 15 владыка Иона Рязанский поставлен бысть на митрополию Руския земля, первый своими епископы на Москве».²⁵ Почти совпадая текстуально с соответствующим известием летописей, отразивших Независимый свод 1472 г., оно содержит лишь фиксацию случившегося. Щекотливый вопрос об отношениях с константинопольским патриархом составитель Хронографа не поднимает, может быть, исходя из принципиального взгляда на поставление Ионы как на дело русской стороны, а, может быть, просто следуя своему источнику. В Хронографах 1599 и 1601 гг. известие о поставлении Ионы повторяет без всяких изменений текст Хронографа 1512 г.²⁶

С новой для хронографической традиции редакцией мы сталкиваемся в Хронографе 1617 г.: «В лето 6969. Переставися Иона, митрополит Киевский и всеа Руси марта в 31 день, и положен бысть в церкви святых Богородицы на Москве. Сего Иону митропо-

лита поставиша на Москве архиепископы и епископы по благословению Царяграда патриарха Анастасия. Ходил сей Иона в Царьград и взя благословение от него, еже на Москве поставлятися митрополиту рускими архиепископы и епископы, а к Царьграду не ходити, понеже турки путь Царягорода отъяша». ²⁷ Приведенный текст восходит несомненно к Типографской летописи, но по сравнению с ней внесены хотя и не очень значительные по объему, но весьма существенные по содержанию дополнения. К указанию на поставление Ионы в Москве собором епископов по благословению константинопольского патриарха добавлено имя патриарха, ²⁸ что, вероятно, по мысли составителя Хронографа, должно было придать всему известию большую убедительность. Но самое главное новшество заключается в указании, что патриарх благословил на поставление в Москве собором русских епископов не только персонально Иону, но дал благословение на подобный порядок поставления русских митрополитов в Москве без поездок их в Константинополь за патриаршим благословением и на будущее, иными словами, патриархат санкционировал автокефалию русской церкви. Сделал это патриарх в связи с невозможностью свободно проезжать в Константинополь из-за турецкого завоевания (мотивировка заимствована из Типографской летописи).

Редакцией Хронографа 1617 г. завершается длительная эволюция известия русских летописей и хронографов о начале автокефалии русской церкви, менявшего содержание в зависимости от исторических условий и идейной направленности включавших его памятников.

Возникает вопрос: почему именно в конце второго десятилетия XVII в. была составлена рассмотренная редакция интересующего нас известия, объявлявшая поставление митрополитов на Москве санкционированным официально константинопольским патриархом? Ведь, казалось бы, вопрос давно потерял свою остроту: митрополиты ставились на Москве в течение почти полутора столетий, и константинопольские патриархи не имели возможности оспаривать установившуюся практику; более того, прошло без малого тридцать лет, как русская митрополия превратилась в патриархат и управлялась собственным патриархом.

Нам кажется, что ответ на поставленный вопрос следует искать в международном, а отчасти и внутривластном положении правительства первого Романова. Новая династия начала свое правление в чрезвычайно трудных обстоятельствах. Воцарению Михаила Федоровича предшествовала «смута», сопровождавшаяся сменой царей и появлением самозванцев; несмотря на избрание царем Михаила Романова, польский королевич Владислав не отказывался от своих «прав» на русский престол. В этих условиях важно было добиться не только упрочения положения новой династии внутри страны, но и признания ее иностранными дворами. В 1613—1615 гг. за рубеж, в частности в Австрию, Англию, Голландию, Данию, Францию, направились из Москвы посольства. ²⁹ На-

казы послам содержали предписание довести до сведения иностранных государей историю «смуты» и обстоятельства вступления на престол Михаила Федоровича; аналогичного содержания были и царские грамоты к иностранным государям, которые везли послы.³⁰ Правительство первого Романова стремилось показать законность воцарения новой династии. Для упрочения ее положения в глазах православных стран важно было заручиться поддержкой «вселенского», константинопольского патриарха: в Константинополь к патриарху уже в июне 1613 г., раньше, чем в названные государства, было отправлено посольство с извещением о минувших событиях в России и избрании царем Михаила Романова. Через два года посольство с аналогичными поручениями направляется к новому константинопольскому патриарху Тимофею.³¹

«Духу времени» соответствовала, как мы думаем, и новая редакция известия о начале фактической автокефалии русской церкви, читающаяся в Хронографе 1617 г. Она утверждала единую позицию византийской и русской церкви в таком важном для последней вопросе, как поставление русских митрополитов в Москве, и провозглашала тем самым законность (с точки зрения взаимоотношений с византийской церковью) установления независимости русской церкви.

¹ АИ. СПб., 1841, т. I, № 39.

² Там же, № 41.

³ Голубинский Е. История русской церкви. М., 1900, т. 2, первая половина, с. 471—488. — В Софийской II и Львовской летописях сообщается, что посла, везшего в Константинополь первое Послание, великий князь воротил с дороги, так как узнал, что византийский император перешел в католическую веру (см. с. 96).

⁴ ПСРЛ. М.; Л., 1949, т. 25, с. 270.

⁵ ПСРЛ. М.; Л., 1959, т. 26, с. 208; М.; Л., 1962, т. 27, с. 115.

⁶ ПСРЛ. СПб., 1913, т. 18, с. 204; М.; Л., 1963, т. 28, с. 110, 277; СПб., 1859, т. 8, с. 121—122.

⁷ ПСРЛ. СПб., 1913, т. 21, ч. 2, с. 506—511.

⁸ Шахматов А. А. 1) Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904, с. 72—77; 2) Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938, с. 146—150; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 201—204.

⁹ ПСРЛ. СПб., 1910, т. 23, с. 154; ср.: т. 27, с. 273, 347.

¹⁰ Лурье Я. С. Источник «Сокращенных летописных сводов конца XV в.» и Устюжского летописца. — АЕ за 1971 г. М., 1972, с. 123.

¹¹ ПСРЛ. СПб., 1851, т. 5, с. 269.

¹² ПСРЛ. СПб., 1853, т. 6, с. 162—167; СПб., 1910, т. 20, ч. 1, с. 251—254.

¹³ ПСРЛ, т. 6, с. 167; т. 20, ч. 1, с. 254.

¹⁴ Голубинский Е. История русской церкви, т. 2, первая половина, с. 695.

¹⁵ Ростовский владычный свод 80-х гг. А. А. Шахматов датирует 1484 г., Я. С. Лурье — 1489 г. (Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., с. 284—301; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 215—223).

¹⁶ ПСРЛ. Пг., 1921, т. 24, с. 184—185.

¹⁷ Сочинения Максима Грека. Казань, 1897, ч. III; Ржигла В. Ф. Опыты по истории русской публицистики XVI века: Максим Грек как публицист. — ТОДРЛ, 1934, т. I, с. 27.

